

Мавринский Илья Игоревич

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры онтологии
и теории познания
Санкт-Петербургского государственного университета

**ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ
И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СУЩЕГО
КАК ОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИИ
ВНЕСЕНИЯ СМЫСЛОВОЙ
ОПРЕДЕЛЕННОСТИ**

Аннотация:

Статья посвящена выявлению оснований стратегии внесения смысловой определенности. В качестве источников рассматриваются проблематизация сущего в традиции школы Парменида и разнообразие моделей подведения многообразия сущего под характеристики бытия. Смысловая стратегия внесения определенности понимается как ответ на оба способа решения проблемы парменидовского бытия. В результате обосновывается необходимость реализации смыслового отношения и отличие обладания смысловым отношением и объяснением его.

Ключевые слова:

бытие, сущее, дифференциация, субъект, предикат, смысл.

Mavrinsky Ilya Igorevich

PhD in Philosophy, Senior Lecturer,
Ontology and Epistemology Department,
Saint-Petersburg State University

**PROBLEMATISATION
AND DIFFERENTIATION OF THINGS
AS A FOUNDATION OF
THE STRATEGY OF SEMANTIC
DEFINITENESS INTRODUCTION**

Summary:

The article deals with the foundations of the strategy of definiteness introduction. The problematisation of things in Parmenides school tradition and the variety of models of summarizing the things diversity by the characteristics of being are regarded as research sources. The semantic strategy of definiteness introduction is interpreted as an answer to both modes of solution of the problem of being by Parmenides. Thus the author substantiates the necessity to implement semantic relation and the difference between the possession of semantic relation and its explanation.

Keywords:

being, things, differentiation, subject, predicate, sense.

Ситуация кризиса стратегий и практик работы с предметностью, обнаруживаемая в качестве истока западноевропейской рациональности [1], с одной стороны, позволяет человеку заметить себя самого и поточность происходящего, с другой стороны, разрешается через усмотрение достоверности (бытия, *сogito*, языка), вносящей первичную определенность в обнаруженную поточность происходящего. Таким образом, налицо оказывается задача дифференциации этого потока, задача, которая может быть конкретизирована двояким образом: через обнаружение проблематического поля, формируемого характеристиками достоверного, и через такое определение (доопределение) самого достоверного, которое позволит выстроить мост между ним и полем предметности. Оба способа конкретизации данной задачи оставляют открытым вопрос об аутентичности их (способов) первоначальному усмотрению достоверности.

Первый способ конкретизации задачи впервые использует Зенон, обнаруживая, что каждая из характеристик парменидовского бытия представляет собой самостоятельную проблему. Так обнаруживается вопрос о соотношении проблематического поля и собственно достоверного: «ты (*Парменид – И.М.*) в своей поэме утверждаешь, что все есть единое, и представляешь прекрасные доказательства этого; он же (*Зенон – И.М.*) отрицает существование многого и тоже приводит многочисленные и веские доказательства. Но то, что вы говорите, оказывается выше разума остальных: действительно, один из вас утверждает существование единого, другой отрицает существование многого, но каждый рассуждает так, что кажется, будто он сказал совсем не то, что другой, между тем как оба вы говорите почти что одно и то же» [2, с. 348]. Таким образом, герметизация достоверного обнаруживает ускользающую определенность данности, доступ к которой может быть получен только через разрешение найденного проблематического поля.

Второй способ конкретизации задачи реализуется не принадлежащими школе Парменида досократиками: Демокритом, Анаксагором и т. д. Определение бытия как атома, гомеомерий и т. д. позволяет примирить парменидовское бытие с данностью, показав, что последняя – лишь видимость, за которой скрывается то, что соответствует характеристикам, вводимым в пути Истины [3]. Однако такое примирение оказывается тем, что производится за счет достоверности речи: если тому, что усматривается с достоверностью, дать правдоподобную характеристику (именно таковым является понимание бытия как атома или гомеомерии), то все суждение ока-

жется правдоподобным. Иными словами, согласование мышления и данности обнаруживает расхождение с метапозицией – говорить истинное, а не правдоподобное. Кроме того, такое примирение оказывается возможным через отказ от как минимум одной характеристики бытия: атомы Демокрита [4] движутся, гомеомерии Анаксагора [5] имеют части, то есть делимы.

Оба способа конкретизации задачи по дифференциации базовой поточности оказываются тем, что, с одной стороны, приводит к некоторому предельному пониманию сущего и его природы, а с другой – требует смены постановки проблемы, то есть переход к разработке смысловых способов внесения определенности. Так, ускользающая определенность данности, обнаруживаемая через проблематизацию характеристик парменидовского бытия, в пределе приводит к пониманию сущего как такого, к основочертам которого относится постоянная изменчивость. В таком случае речь о сущем проигрывает самому сущему: пока она (речь) ведется, сущее уже иное, то есть речь оказывается тем, что не схватывает сущее, не позволяет вывести его к истинности. Отсюда «друзья вещей» Платона: «Одни все совлекают с неба и из области невидимого на землю, как бы обнимая руками дубы и скалы. Ухватившись за все подобное, они утверждают, будто существует только то, что допускает прикосновение и осязание, и признают тела и бытие за одно и то же, всех же тех, кто говорит, будто существует нечто бестелесное, они обливают презрением, более ничего не желая слышать» [6, с. 376]. Удержание актуальности сущего оказывается возможно в таком случае только через остенсивное определение.

В свою очередь, наличие нескольких моделей согласования, выявленное не принадлежащими к элейской школе досократиками, обнаруживает как отсутствие основания для выбора между ними, так и необходимость удержания достоверного со всеми его характеристиками. Сущее здесь оказывается полем перетолкования, объяснения, то есть тем, во что определенность должна быть внесена. Отсюда «друзья идей»: «Поэтому-то те, кто с ними вступает в спор, предусмотрительно защищаются как бы сверху, откуда-то из невидимого, решительно настаивая на том, что истинное бытие – это некие умопостигаемые и бестелесные идеи; тела же, о которых говорят первые, и то, что они называют истиной, они, разлагая в своих рассуждениях на мелкие части, называют не бытием, а чем-то подвижным, становлением. Относительно этого между обеими сторонами, Тезтет, всегда происходит сильнейшая борьба» [7]. В таком случае сам онтологический статус сущего оказывается проблематизирован, то есть доступ к сущему оказывается закрыт.

Столкновение данных позиций имеет однозначный контекст: гиганты борются за бытие [8]. И именно это позволяет вновь вернуться к самой постановке вопроса: нужно найти такой способ работы с сущим, который, с одной стороны, позволял бы дистанцироваться от постоянной изменчивости сущего, а с другой, позволял бы вносить в него определенность. Смысловая определенность и оказывается таким способом: бытие с позиции субъекта (в логическом смысле) перемещается на позицию предиката, который может быть приписан всякому предмету речи. Предикат существования означает возможность разных смысловых определенностей: тот способ, каким бытию причастно чувственно-данное, не совпадает со способом, каким ему причастны предметы воли или разума. В таком случае оказывается возможным дать такое понимание существования, с которым вынуждены будут согласиться обе противоборствующие стороны: «Все, обладающее по своей природе способностью (*δύναμις*) либо воздействовать на что-то другое, либо испытывать хоть малейшее воздействие, пусть от чего-то весьма незначительного и только один раз, – все это действительно существует. Я даю такое определение существующего: оно есть не что иное, как способность» [9, с. 378]. Вместе с тем через понятие причастности становится возможной модификация предметов в соответствии с наличествующими смысловыми отношениями.

Предметность оказывается полем, которое дифференцируется через обладание (припоминание) смысловым отношением. Так, стол, за которым мы пишем, и пенек в лесу, на который стелется газета, объединяют не собственные характеристики предметов, но именно смысловое отношение, обладание которым позволяет модифицировать в соответствии с ним предметность. Дифференциация поточности, понятая как модификация предметности, не оставляет возможности для иерархии или фиксации дифференцируемого: к «одному и тому же» сущему могут быть применены разные смысловые отношения. При этом само сущее сохраняет собственную целостность безотносительно к выделяемым типам действия или претерпевания. Например, в «Принце и нищем» сакральный объект как символ высшей власти и предмет для колки орехов – большая государственная печать – маркируют возможность обнаружения в сущем как чувственно-данного уровня, так и того, что усматривается с помощью разума или аффицирует волю. Таким образом, именно характеристика существующего как способности делает сущее целостным и подлежащим любой модификации, которая и соответствует основочерте сущего – изменчивости.

На основании вышеизложенного обнаруживается первое условие смысловой дифференциации предметности, служащее одновременно ее границей – обладание смысловыми отношениями. Данная граница позволяет различить собственно обладание и объяснение: объяснить,

что такое красное, можно даже слепому, передать смысл красного, сделать так, чтобы человек обладал смысловым отношением «красное» без непосредственной данности, невозможно. Именно поэтому знание не может быть определено через объяснение: «И выходит, Теэтет, что ни ощущение, ни правильное мнение, ни объяснение в связи с правильным мнением, пожалуй, не есть знание» [10, с. 326]. В таком случае, если объяснение может быть транслировано и без обладания, то есть не ставит в центр того, кто воспроизводит данное объяснение, то обладание содержит в себе принципиальную возможность объяснения. Поскольку же и сам человек – род сущего, то есть может быть по-разному модифицирован (например, раб человеком не является), постольку обладание смысловым отношением оказывается способом доступа к предметности, то есть мерилем собственно человеческого, и требует реализации.

Требование реализации смыслового отношения оказывается тем, что соответствует необходимости парменидовского бытия, тогда как возможная модификация сущего в соответствии с наличествующими смысловыми отношениями соответствует множественности самого сущего. В таком случае проблема согласования мышления (характеристики бытия) и данности (не соответствующей данным характеристикам) оказывается разрешенной в области смысловых отношений. Это позволяет констатировать не только то, что стратегия внесения смысловой определенности остается в рамках онтологии элейской школы, но и то, что смысловая определенность выступает как структура, опосредующая мысль и сущее, и дает доступ к последнему.

В контексте борьбы гигантов за бытие позиция Платона оказывается в таком случае позицией арбитра: смысловые отношения обнаруживают себя не только как то, посредством чего можно обнаруживать, фиксировать и анализировать противоборствующие позиции, но и как то, что позволяет обнаруживать основание, которое делает их (позиции) возможными, то есть принуждает. Данное принуждение оказывается одновременно как движением к основаниям (для того чтобы позиции были возможны, равно как и диалог между ними, необходимо понимание сущего как способности), так и способом экспликации этих оснований (сущее, понятое как предикат, обнаруживает необходимость различения смыслов предцицирования, то есть собственной дифференциации).

Экспликация сущего посредством различения смыслов действия или претерпевания воздействия, то есть на основании смысловой дифференциации сущего, оказывается в таком случае и доказательством того, что предметность как таковая получает свое первое определение и начинает мыслиться как существующая. Таким образом, проблематика парменидовского бытия переносится в поле сущего, само же бытие оказывается не тем, от чего осуществляется переход к сущему, но, напротив, тем, что из способов и практик имени дела с сущим выстраивается и реконструируется. Иными словами, именно переход к смысловой определенности позволяет ввести базовую онтологическую дифференцию (бытия и сущего).

Ссылки и примечания:

1. Здесь и далее преимущественно имеется в виду исток в историческом его понимании, то есть процесс, имевший место в Древней Греции и часто маркируемый в литературе как переход от мифа к логосу. Именно парадигматический характер «греческого чуда» делает возможным преломление исторического контекста в концептуальный, что и является одной из задач предлагаемой читателю статьи.
2. Платон. Парменид // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 346–412.
3. Парменид // Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. I. 576 с. (Памятники философской мысли).
4. Демокрит // Там же.
5. Анаксагор // Там же.
6. Платон. Софист // Платон. Указ. соч. С. 376. 246 б.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же. С. 378.
10. Платон. Теэтет // Платон. Указ. соч. С. 326. 201 а.

References and notes:

1. Hereinafter, the author mainly refers to the source of it in the historical sense, that is, the process that took place in ancient Greece and are often marked in the literature as the transition from myth to logos. It is paradigmatic of the "Greek miracle" makes it possible refraction of the historical context in the concept, which is one of the challenges the reader to the article.
2. Plato 1993a, 'Parmenides', in Plato, *Collected Works: 4 vols.*, Moscow, vol. 2, p. 346-412.
3. 'Parmenides' 1989, *Fragments of the early Greek philosophers*, Moscow, part I, 576 p., Monuments of philosophy.
4. 'Democritus' 1989, *Fragments of the early Greek philosophers*, Moscow, part I, 576 p., Monuments of philosophy.
5. 'Anaxagoras' 1989, *Fragments of the early Greek philosophers*, Moscow, part I, 576 p., Monuments of philosophy.
6. Plato 1993b, 'Sophist', in Plato, *Collected Works: 4 vols.*, Moscow, vol. 2, p. 376, 246 b.
7. Plato 1993b, 'Sophist', in Plato, *Collected Works: 4 vols.*, Moscow, vol. 2, p. 376, 246 b.
8. Plato 1993b, 'Sophist', in Plato, *Collected Works: 4 vols.*, Moscow, vol. 2, p. 376, 246 b.
9. Plato 1993b, 'Sophist', in Plato, *Collected Works: 4 vols.*, Moscow, vol. 2, p. 378, 246 b.
10. Plato 1993c, 'Theaetetus', in Plato, *Collected Works: 4 vols.*, Moscow, vol. 2, p. 326, 201a.